
АЛЕКСАНДР ЛОЗИНСКИЙ
НЕКОМУ ЖАЛЕТЬ

Александр Лозинский
Некому жалеть

https://litres.ru/74702094
SelfPub; 2026

Аннотация

Получен Росток. Посажено Древо. Маятник времени начал отсчёт.

Удастся ли сохранить себя, не сломаться под напором ветров истории? Остаться собой. Или проще принять условия игры, задвинуть Совесть и Справедливость туда, где им место, и отправить человечество, которое не смогло объединиться против внешнего врага, на свалку... в жертву... обретя в награду бессмертие и возможность повелевать.

Содержание

Пролог. 4
Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия — Нижегородская область. 9
Глава 2. Май 2018. Нижегородская область. 24
Глава 3. Май 2018. Нижегородская область — Республика Калмыкия. 39

Александр Лозинский
Некому жалеть

Пролог.

Кто ты? Не спеши давать ответ. Он будет неверным. И следующий. И наверняка тот, что после него.

Подумай над коварством этого вопроса. Над неполнотой ответов.

Над тем, что, отвечая, ты невольно захочешь оказаться не тем, кто ты есть. И потом все остальные ответы будут оправдывать первый.

А ещё вопрос коварен тем, что зависит от того, кто задаёт его. И когда.

В промежутках между взмахами маятника времени, лезвием отрезающего мгновения жизни, можно остановиться и подумать. Не давать ответ, нет. Только пробудить мысль.

Кто ты?

Подписавший указ, в котором взвесил, отмерил, признал лёгким десяток душ, позаботившись о запасе. И поставивший задачу провести инвентаризацию, которая отделит агнцев от козлищ… отпущения.

Кто ты?

Способный скосить Росток, пока он не научился защи-

щаться. Имевший возможность разрешить человечеству не принимать решения, уйдя в блаженном незнании, и отдавший её другим.

Кто ты?

С упоением смотрящий, как кровь таких же, как ты, льётся на землю и радующийся, что сейчас — не ты.

Кто ты?

Отдавший людям спички, но не рассказавший о сухой траве. Имеющий глаза да узрит.

Не будет ответа. Заняты те, кому задан вопрос. А когда оборотятся — не будут собой.

Но ответят тысячи тех, кто не услышит вопроса. Ответят жизнью, дыханием, невозможными решениями. Собой. Отнимая право на ошибку, право на жертву, право на грех. Возьмутся платить по тем долгам, о которых никто никогда не спросит, и выплатят тем, кому этот долг не важен.

Но останутся ли они правы, когда жизнь задаст новые вопросы?

Великая Бхарата, казалось, нашла способ стереть с лица пылающую пятерню пощёчины. Персам оказалось мало простой помощи Пакистану, и Тегеран прекратил поставки нефти. Арабы увидели возможность поставить выскочек на место и остановить экспансию. Под одобрительные аплодисменты из-за океана, Заливные Монархии нанесли совместный удар.

Часть ракет персы пропустили, а индийские маги воды

усугубили происходящее и отвели воду от портов, парализовав на время экспорт. Стоимость фрахта и страхование танкеров взлетели до небес.

Персия огрызнулась, как раненый лев. Удары по портам и добывающей инфраструктуре арабов, сплотившихся вокруг саудовской династии, вычеркнули полуостров из числа экспортёров. А маги, вернувшись в Нью-Дели, привели на хвосте чистых.

Мир впервые в онлайн-режиме увидел, как происходит Месть.

И несмотря на то, что индийский спецназ убил четверых, которые только разгорались изнутри, отдавая боль и решимость тринадцатому, город это не спасло. Центр и восемь из двенадцати сторон света были «очищены». То, что осталось, городом назвать было нельзя.

Совбез ООН на заседании не смог даже толком сформулировать требования.

До голосования дело не дошло.

Мир с неистовой силой снова делился на «мы» и «они». Кто «они» — значения не имело. Главное, что это не «мы». Стать тем, кто имеет право сказать «мы» — ещё сложнее. Нужно доказать, ответить на вопросы, задать свои и получить ответы.

А потом эти ответы обдумать.

Почему только Россия, Персия и Корея? Где гарантии? Переживут ли они приход новой силы? И как предлагается

бороться против остального мира, который нам не поверит?

Поднебесная слушает внимательно, приглашённая как независимый игрок. Почти не задаёт вопросов, понуждая тем самым к настоящим ответам. Уходит, кивнув: «Посмотрим».

И Тегерану, и Пхеньяну роскошь «посмотреть» оказалась недоступной. Но и для тех, и для других союз давал шанс на выживание. Как и для всех остальных.

Маятник нарезал ещё мгновений.

Суета… Смута в Европе завершалась. Ещё не вся национальная бюрократия была подчинена единому центру, но сомнений в победе уже не оставалось. Вместе с административным подчинением нити военного управления ложились в ту же руку.

Игрок, получив обидный шах на доске, которую считал своей, стряхивал с чужих досок лишние фигуры, что будут только перетягивать на себя внимание. И которые могут взбрыкнуть в ненужное время. А то и вовсе изменить цвет.

Хорошо Игроку. Думай. Двигай фигуры. Убирай в отбой. Проиграл — поздравь победителя, начни новую партию. Выиграл — прими поздравления, сгреби банк. Но что, если окажется, что ты играешь против себя? Что фигуры на досках существуют только в твоём воображении? А на деле игроками стали все.

Каждая пешка — жизнь. Не убрать в отбой, не пересчитать в статистике, а назвать по имени. Слон — лидер. Ферзь

— чужой бог.

Да нет. Бред какой-то.

Ходи. А то время выйдет.

И мечется маятник. И падают песчинки в часах. Но уже тянется нож обрезать нити. И те, кого списали в отбой, возвращаются, чтобы назвать друг друга по имени.

А несостоявшийся бог, отказавшийся признать жертвы — жертвами, примеряет маску шута. Ему так легче оставаться человеком, смотреть на людей и не давать им быть пешками.

Кому-то нужно это сделать, даже если они сами хотят обратного. В рай загоняют палкой. Через боль. Пот. Кровь. И некому пожалеть несчастную пешку.

И шута, что бежит от маски бога. Некому.

Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия — Нижегородская область.

Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия
— Нижегородская область

День первого кормления.

— Лёш. — Голос Маргариты вырвал меня из созерцания того, что происходило здесь ещё десять минут назад. — Лёш. Это теперь всегда будет… так?

Я не оборачивался. Слышал — она подходит. Древо было передо мной, в какой-то дюжине шагов. Я сплюнул. Чуждый счёт сам собой всплывал в сознании.

Кисть чесалась, требуя взять косу и снести эту дрянь, раз уж не хватило тогда силы воли сжечь мешочек.

— А ты бы смог? — Я на миг испугался, что Звягинцева научилась читать мысли, но, взглянув на ладонь, понял, что по ней струится пламя.

Тонкое, не обволакивающее, а будто продирающееся сквозь плотины и завалы. Вдохнул в него частичку себя, и руку снова целиком окутала тьма. Живая, пульсирующая, зовущая выпустить её, дать разорвать, сделать невозможное — небывшим.

— Уже нет.

— Ты боишься, что Мерлин прав и Земли не станет?

— Нет. Теперь не боюсь. Той Земли не стало ещё тогда, когда подписали Указ. — Я повернулся к ней. — Не маши головой, я видел дату. И люди. Да, монстры, но люди. Их не собирали в панике. Они были готовы. Понимаешь, майор? Всё было готово. И это ещё Мерлин не пришёл к ним.

— Ты не веришь? — Она дёрнула головой вверх.

— Ты сколько лет в системе?

— Много, майор. Суки столько не живут. — В голосе Маргариты смешались грусть и вызов.

— Ты веришь кому-то?

Она пожала плечами.

— Тебе.

— Урок первый, майор. Все врут.

— Тогда и тебе урок, майор. — Её глаза похолодели. — Когда тебе некому будет сказать правду, ты умрёшь.

Звягинцева отвернулась. Калмыцкая степь, больше похожая на полупустыню, здесь, у берега Каспийского моря, дышала чем-то непонятным. То ли отчаянием, то ли надеждой. То ли кровью шести человек, впитавшейся в сухую землю, из которой нелепо торчал непропорционально тонкий штырь Древа, с длинной тенью, растущей прямо на глазах.

Сейчас его голод был приглушён, но уже скоро оно начнёт пробуждаться, чтобы, не получив дани, взять всё самому.

Гадкая мысль. Думать о службе — проще.

Я получил отдельный конверт, в котором указывались

причины выбора места: удалённость от людей, простота возведения линии обороны, опора на море, где сможет действовать Каспийская флотилия, возможность быстро перебросить подкрепления из Персии.

Последнему я не верил. Персам было тяжко. Дом Саудов вытащил-таки каштаны из огня для заокеанских игроков, как и гордые индийцы. И хотя в способности Тегерана пережевать проблемы я не сомневался, ожидать от огнепоклонников военной поддержки было бы наивно. Даже к расчётному концу сентября.

— Прости, Мара… — Звягинцева вскинулась как от пощёчины.

— От… откуда ты…

— Не знаю. Само на ум…

Я не договорил. Маргарита обняла меня. А затем, оглядевшись, прошептала:

— Скажи, что мы не станем этого делать. Не такой ценой, Лёш.

— Я очень хочу на это надеяться.

Она последний раз бросила взгляд на Древо.

— Пойдём, майор. Нам нужно успеть сделать слишком много.

Перелёт в Элисту и затем на базу прошёл уже в темноте. Это превращалось в дурную привычку — возвращаться домой аки тать в нощи.

Нас встретил Сергей. На вопрос о докладе он махнул ру-

кой — один из офицеров без знаков различия протянул ему флешку с записью. На наш невысказанный вопрос он пожал плечами. Ну да, и у него работа такая.

— Как Николай?

— Нормально, Лёш. Просыпался, покушал, спит. — Полковник говорил со мной, а Маргарита уже смотрела в сторону медблока. — Идите спать.

Мари-Хелен не спала. Свет пробивался из-под двери. Я постучал и принялся мучительно долго ждать шагов по комнате. Щелчка защёлки я не услышал — заскрипела ручка.

— Заходи. — Она вернулась в комнату.

Я вошёл, и мне стало неуютно. Неразобранная постель, две кружки с остывшим чаем. На столе ёлочная игрушка.

— Ты когда собирался мне сказать?

— Не знаю.

— Почему?

— Это не твоя война, любимая. Это, чёрт возьми, вообще ничья война. — Я почему-то сразу перешёл на повышенный голос.

— Если это твоя война, то и моя тоже. — Мари-Хелен вздёрнула голову.

Высохшие дорожки слёз. Красные глаза. Дрожащие руки, удерживающие шарик как последнюю драгоценность в мире. Решимость на лице.

— Я не девочка. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня оберегать от мира. И я надеялась, что в нашем доме больше не

будет звучать Alles.

Я даже не вздрогнул. Зато Зверь, лежавший в её ногах, поднялся и положил голову ей на колени.

— Ты не говорила мне ничего о состоянии брата. О Денисе.

Мари-Хелен сцепила губы в нитку. Смахнула прядь, упавшую на глаза. Положила шарик на стол.

— Знаешь, почему?

— Знаю, милая. Приказ. Который ты обязана выполнять даже со мной.

— И ты… приказ?

Я не мог соврать.

— Не только. Но и нежелание подставлять тебя, превращать в объект торга. Тебе Сергей рассказал?

— Изобель перевела. Сергей перед всеми выступал. Скажи, что вы задумали. Пожалуйста.

— Не знаю. Но я сделаю всё, чтобы не превращать человечество в жертву.

— А отдельных людей? — Она взяла кружку с остывшим чаем, отпила половину залпом. — Нам показали преступления. Я понимаю. Но можно же… добровольцев… животных попробовать… я не знаю. Не молчи, Алексей.

— Отдельных людей — придётся. — Я помотал головой, опустился перед ней, сел на пятки и взял её ладони в руки.

Они были леденющими.

— С добровольцами всё очень сложно. Мы не знаем, что

происходит с людьми, и не имеем права обрекать их… вот так, в пустоту. С… преступниками… проще. — Я говорил — не знаю для кого. Может, даже и для себя. — Их не так жалко, как не было жалко им своих жертв. Они выбрали свой путь, который привёл… вот так.

— Козлы отпущения? — Вопрос неприятно царапнул.

— У нас есть поговорка. Если ты плюнешь в общество — оно утрётся. А если наоборот — ты утонешь.

Мари-Хелен коротко хохотнула, на миг в глазах блеснули искры.

— А на Урале? Тоже?

— На Урале — меньшее зло. Только не рассказывай, что оно не бывает разным по размеру. Я знаю.

— Я не осуждаю. Я хотела увидеть твою реакцию. Человечность… — Она высвободила руки. — Почему ты тёплый? Я — ледышка. А ты живой.

— У меня есть ради кого жить.

— А у меня?

— Решать тебе. Но я буду за тебя бороться.

— Я не хочу больше ничего не знать. Я готова на всё, только не сидеть в одиночестве в пустой комнате.

— Посмотри на Маргариту, на Женю. Ты уверена?

Мари-Хелен мелко закивала, потом сползла со стула и так же, как я, опустилась на пятки.

— Я знаю, что это дорога в один конец. Но я люблю тебя и не могу без тебя. До самого края. — Она всмотрелась в

моё лицо и вытерла мне глаза. — Глупый и смешной самоуверенный мальчишка с комплексом антибога.

— Сказала жрица этого самого анти…

— Наберу паству, они тебе зададут трёпку. — Мы поднялись, помогая друг другу. — Ты чай будешь?

— Холодный не хочу, а греть — лень. Пойдём лучше спать.

— А ты мне расскажешь всё?

— Alles.

— Нет. Просто всё. — Её палец лёг мне на губы.

Мари-Хелен заснула почти моментально, согревшись рядом со мной. А у меня в голове мысли перескакивали с одного на другое, даже не давая удержать их в фокусе и сосредоточиться. Всё казалось: что-то упускаю. Что-то особенно важное. На этом и провалился в дремоту.

День первый.

На завтрак вышли пораньше — я хотел успеть поговорить с Сергеем о ночной беседе. Он, кстати, оказался в столовой, меланхолично перелистывая новостные сводки. Еда перед ним остывала — полковник едва к ней притронулся.

— Не читайте за завтраком советских газет!

— Так других нет, Алексей. — Он ткнул в ссылку на экране. — Смотри, как еврокомиссары гномов к ногтю прижали. Прям последний оплот евроскепсиса доламывают.

Я взял планшет. Новости, сгруппированные по событиям, скорее напоминали разведсводку. Вчитался, пролистал в од-

ну сторону, в другую, пока гаджет не выдернула Мари-Хелен.

— Ешь давай!

— Погоди. Серёж, это ж получается, что национальным государствам всё? Ни эллина, ни иудея, а только одни европейцы?

— Угу. Не теряешь хватку. И что это означает?

— Да что. Подготовка к какому-то замесу. То тянули кота за хвост на все четыре стороны, а тут за сколько? Два с половиной? Три месяца прямо единогласно. — Я внутренне восхищался вдохновителями и исполнителями. — И лазейки нашлись, и отмазки для избирателей. И даже референдумы не понадобились.

— Именно. Я тебе больше скажу: армию тоже причесали. С прямым подчинением натовским генералам. Читай — американским. Никакой местной отсебятины.

Мари-Хелен выключила планшет.

— Сергей, вы хотите сказать, что это война?

Он переглянулся со мной. Я улыбнулся и пожал плечами.

— Я в восхищении, миледи.

— А вы что, ничего не будете с этим делать?

— Кому положено — уже делают. — Полковник всё же взялся за вилку. — Кстати, хорошо, что подошли. Твоим родителям удалось взять билеты на послезавтра.

— Хорошо. Спасибо.

— Ты чего такая хмурая? Лёш, твоя работа?

— Алексей ни при чём. Вернее, при чём. Но мне самой нужно. Нет. Я хочу официально получить должность. Быть по-настоящему полезной. Быть одной из вас по-настоящему.

Сергей присвистнул. Взглянул на меня, но понял, что я тоже не смогу отговорить Мари-Хелен — проще гору заставить перейти.

— Это не шутки. Это — работа. Много работы. Часто ценой всего остального.

— Алексей мне это уже сказал. Я понимаю. — Требовательному выражению лица Мари-Хелен мог позавидовать иной гаишник. — И я понимаю, что это — навсегда.

Полковник чуть скривился, но быстро вернул суровое лицо. Он ещё в мелочах попробовал надавить на девушку, но ничего не получалось. Сергей пытался если не заставить отказаться, то хотя бы отложить решение.

Я ловил её взгляды, полные гордости и уверенности, и под столом пожимал её горячую руку.

«Идиллию» прервала Изобель.

— Мир вам. — Она усадила Лизу за соседний стол. — Может, и мне работа найдётся?

Ехидство и насмешка у неё, надо сказать, вышли так себе, тоска в голосе перекрывала их с запасом. Попеременно заглядывая в глаза мне и Сергею, она искала хоть какой-то отклик.

— Найдётся. — К нам подошла Татьяна. — Позавтракаете — не уходи.

Ершова было резко повернулась, но удержалась, сказать, проглотив комок:

— Пожалуйста.

Изобель почти сползла по спинке стула. Рванулась что-то спросить Таню, но та уже ушла, неестественно прямо держа спину.

— Мама, ты что? — Лизе эти материи были непонятны, и Изобель пришлось подняться.

Она погладила девочку, шепнула ей, что всё нормально, и пошла занимать очередь на раздаче. Полковник испытующе смотрел на меня, но я только развёл руками.

— День сюрпризов. — Сергей повернулся к Мари-Хелен. — Зайди к четырнадцати часам. Я не гарантирую, но проверю, что можно сделать. — Затем вернулся ко мне. — Телеметрию по объекту будут сбрасывать пакетно каждые три часа. Подготовишь отчёт — и дуй к Якову, варить тебе доспехи. И смотри, узнаю, что это ты девчонку втянул — не прощу!

Моя любимая вступилась за меня, но Сергей уже превратился в «когда я ем, я глух и нем» и не реагировал на внешние раздражители.

Когда мы вышли на улицу и Мари-Хелен умчалась к бабушке порадовать её новостями, я спросил полковника, мол, зачем-таки сирену запустили. Он засмущался и выдал, что это перестарался один из аналитиков, которому поставили задачу мониторить пространство вокруг меня. Причём па-

рень увидел, как у меня в руке что-то материализовалось, но пока всматривался в экраны — не артефакт ли оборудования, я успел закончить беседу.

Хотелось смеяться. И не хотелось.

Сергею тоже.

С документами я пришёл к командирам примерно через три или три с половиной часа. Писать пришлось в своей комнате, потому что в административном блоке срочно монтировались помещения взамен изъятого изолятора.

Тюрин прочитал, пару раз подняв голову, присматриваясь ко мне. Отложил в сторону.

— Ты понял, зачем он тебе озвучил про «дожить»?

— Да что уж. Понятно, что вся эта дрянь затевается, чтобы нас с двух сторон прижать. Изнутри и снаружи.

— У нас те же мысли. Поэтому ожидаем провокации в магической сфере, а также атаку на прибрежные районы, аналогичную иранской. — Генералу явно не нравилось их самоназвание.

— Ну ладно огнепоклонники — у них ядерного оружия нет, хотя и чистых на своей территории я бы не хотел. Но что они хотят против нас?

— Пока предположение, что мы не рискнём выходить на тотальную эскалацию. С Китаем же прокатило. — Антон Афанасьевич вздохнул. — А конвенционное оружие мы против мирного населения не рискнём применять. Бердянск показал им всё наглядно.

— Но Бердянск — славяне. А там — европейцы. Их же может оказаться не жалко.

— Американцы, судя по всему, готовы ими рискнуть. В Северной Атлантике формируется ударный флот, проводятся мероприятия. В Средиземном море — второй. Явно не на курорты Египта собираются.

— И ещё. Ты должен знать: часть людей перебрасывают к Древу. На указанном Мерлином расстоянии будет формироваться оборонительная полоса. Если там тридцать миллионов бойцов — то одних боеприпасов уйдёт прорва. Поэтому пока — в помощь военным инженерам. А дальше видно.

Я стоял молча. То, что Тюрин не требует дополнительных обещаний держать в тайне, говорило, что слишком многие уже поняли, к чему всё идёт. И даже с какой скоростью.

— А хорошие новости?

— Ты пока здесь. Интенсифицируем работу по поиску инициатов, как и собирались ранее. Изобель решено допустить — условно — к подготовке тех, кто владеет электрической магией. — Заметив, что это не произвело на меня впечатление, он усмехнулся. — Ещё мы сочли возможным выпустить Дениса из больницы в режиме ограниченной работы под наблюдением.

Я улыбнулся. Сейчас для него наверняка лучшее средство — ощутить себя полезным.

— Думаю, вы что-то приберегли?

— Да. Мы получили разрешение переработать изолятор

и все запасы негаторов в катализатор для негэнтропийного оружия.

Я пододвинул стул.

— Пленных не брать? — Голос звучал очень хрипло, и Сергей протянул графин и стакан.

— Ты и сейчас думаешь не о том. — Антон Афанасьевич наткнулся на мой злой взгляд и осёкся. — Точнее, не только о том.

— Третья Мировая рискует стать Первой и Последней Магической.

— Уже. Час назад персы показали, как надо. В прямом эфире.

Я показал жестами, что не в курсе темы, и Сергей подал планшет с открытой новостью и комментариями.

...в ответ на неспровоцированную агрессию… подстрекаемых… безответственная правящая верхушка… — Заявление министерства иностранных дел Персии было многословным, хотя результат я уже видел. — Мученики… пожертвовать внутренним пламенем… во имя… принести чистоту беззаконным… отрицая покаяние… отдали жизнь…

— Что осталось от Нью-Дели? — только и выдохнул я.

— Почти ничего. Два смежных сектора, по которым напрямую не прилетело, выгорели только с краёв, но в центре остался узкий коридор в пару улиц. Три-четыре к пригородам. Дым, жар, продукты горения пластика — Полковник комментировал, с трудом подбирая слова. — Ещё по двум

направлениям удар формально не прошёл, но с боков пылало так, что спаслись считанные тысячи. Сам понимаешь. При их-то скученности.

— А мы?

— А мы будем работать, Лёш.

— Хоть с чёртом? — Вопрос прозвучал не цинично, а жалостливо, и я мысленно ударил себя по губам.

Он с силой провёл ладонью по волосам.

— Они же с Малым Сатаной работают.

— Справедливо. — Слово вылезло из словаря, где пряталось вместе с совестью, и сейчас было особенно некстати.

У меня в голове кружилась тысяча вопросов. Мозг, изголодавшийся по информации, готов был строить ряды и цепочки, разматывать события, формировать версии… И нагородить ерунды.

Зверь, вошедший сквозь закрытую дверь и гордо прошествовавший к Тюрину, сбил с мысли.

— Мы, наверное, пойдём.

— Посиди, если хочешь, почитай новости, сводки. Я же знаю тебя. Потом к аналитикам побежишь или начнёшь пацанов напрягать. А у них и без того работы — выше крыши.

Это было заманчиво — почти искушение. Но меня уже ждал Яков.

Генерал коварно улыбнулся и проводил меня буквально одним взмахом руки. Сергей не прощался, но пока шли по коридору, отвлекал разговором ни о чём. Проходя мимо па-

латы брата, я покосился на дверь, но полковник только с деланной тоской в голосе заявил, что не раньше послезавтрашнего дня.

Я треснул по пластиковой панели на стене, вызвав мелкое занудное дребезжание. В ординаторской за нами открылась со скрипом дверь, и кто-то посмотрел нам вслед. Мне стоило усилий удержаться, но на улице, дождавшись, пока Сергей закурил, я не выдержал.

— И?

— Вычисляем контакты внутри. Сети, само собой, нет почти ни у кого. С рациями, сам понимаешь, сейчас не забрасывают. «Там» согласовано. Но падла хитрая.

— Дашь сигарету?

— Ты ж не куришь!

Намёк я понял. Не курю, так не курю. Заем мерзкое ощущение в душе козинаками.

Глава 2. Май 2018. Нижегородская область.

День первый.

У Якова было шумно и тесно. Выкатывали новый броневичок, выращенный с учётом боевого опыта, полученного под Армавиром. Работы было ещё навалом, но даже сейчас можно было на нём воевать.

К счастью, сам геммолог был участвовал в работе лишь косвенно и с радостью за меня уцепился, чтобы ускользнуть от военных, которые потом выкатят ему списки недочётов, упущенных Дёминым. Свистнув Толика, маг повёл меня в отдельную пристройку.

Когда чай был налит, а конфеты и печенье выставлены на стол, я позволил себе вопрос.

— Как тебе в роли мужа?

— Как и раньше. Ты же должен понимать. — Яков улыбнулся. — Вот к роли отца готовиться — это да. Но, если честно, Женя тоже стать матерью не готова.

— Вы с благоверной решили, как после рождения поступите?

Он тяжело вздохнул. Потом помолчал и махнул рукой, поднимая кружку.

— Хочет тут остаться. Объединить комнаты, благо — мо-

дульная конструкция. Врачей на базе достаточно. — Мой друг с шумом отпил горячий чай. — Педиатры есть — сам видишь, детворы сколько. С яслями, конечно, беда, но тут времени полно — успеем передумать. В общем, не хочет никуда она.

— А ты? — Наверное, глупый вопрос, но родился сам собой.

— А что я, Лёш? Я же тоже не мыслю себя без всего этого. Ты вот сам скажи, хочешь куда-то?

Я хотел. Но мне в больше степени хотелось показать что-то Мари-Хелен из того, что знаю сам. Поделиться с ней тем, что вижу, и тем, как это ощущаю. А потом… потом вернуться на службу. А дальше — не заглядывал. Хотя её слова про детей отпечатались в душе.

— Во-о-от, — протянул наблюдающий за мной Яков, — и это ты ещё тут на год меньше меня. И с твоими выпадениями из жизни.

Он понял, что сказал, и попытался извиниться, но я только рассмеялся. Что поделать, если так и есть.

— Ты прости, дружище, я ж к тебе не только чаю попить…

— Да тебя дождёшься. — Он засмеялся. — Но кому-то ж надо мир спасать. Не переживай, мерки твои есть, заготовки под твои габариты подготовлю быстро. Работаем.

Я вдруг вспомнил про бой в Оренбурге и принялся рассказывать о том, с чем столкнулся. В свете маячащей на горизонте войны с магическим Средневековьем, которое, как

назло, очень хорошо умело думать, опыт схватки мог сыграть свою роль.

Яков моментально подобрался, выхватил откуда-то заготовленный карандаш и листки бумаги и принялся записывать мои соображения. Особенно его заинтересовала гибкость креплений и защита суставов. По его словам, многие жаловались на недостаточную подвижность и ограниченные углы поворота рук, ног и корпуса, и сейчас приходится собирать конкретику.

Походя он сетовал, что одни изменения неизбежно потянут за собой каскад переделок.

— Это как? — поинтересовался я. — Типа отдача от крупного калибра будет кирасу сильнее разворачивать, если жёстко с низом не скреплять?

Маг осёкся.

— Ты с кем-то это обсуждал?

— Да нет, но обращал внимание, когда стрелял. Ещё ловил себя на мысли — похвалить вас, что с отдачей так удачно справились.

— М-да. Вот и пойми этих военных, — пробурчал он, записывая, однако, и мои слова.

Я добавил ему, что ограничения подвижности в локтевом и плечевом суставах спасли меня от вывихнутой руки, когда нули пытались заломать меня в Оренбурге.

Карандаш порхал над схемой костюма, где Яков отмечал проблемные точки. Он слушал меня, бормотал себе под нос

и, удерживая в голове всю конструкцию, ставил чёрточки и крестики, подписывая их мелким убористым почерком.

— Всё?

— Ну, если тебе не во что больше меня носом ткнуть, то и всё. — Глаза его смеялись.

Незаметно зашедший Толик, явно слышавший весь разговор, вмешался с вопросом, почему Яков смеётся в такой ситуации. В ответ он получил явно заготовленную короткую, но ёмкую лекцию о том, что мастеру нет нужды обижаться на критику, которая служит тому, чтобы сделать лучше.

Парень понял не всё, но старательно кивнул. Ничего, втянется. Тем более что его вклад в новые костюмы составлял уже как бы не четверть всей работы. Освоившись, он работал с подменными элементами так быстро, что Якову теперь не приходилось выращивать их со всей детализацией, сократив сроки и объёмы затрачиваемой энергии.

— Папу послезавтра будить станут. Горячев сказал, что даже с запасом. Нервы, сказали, работают, как положено.

В голосе слышалось облегчение. Я понимал его. Николаю слишком везло оказываться у нас на больничных койках и формировать вокруг себя интригу.

Семейное это, что ли?

На улице меня ждала Изобель со своим сопровождающим. Парень держался в стороне, но было видно, что буквально пару минут назад он что-то объяснял своей подопечной.

— Вы издеваетесь? — вместо приветствия атаковала меня магичка.

— Вообще не в теме. — Ругаться с ней не входило в планы.

— Скажи, что это шутка. — Не отставала она.

— Это шутка.

Изобель, раздувая ноздри, шумно втянула воздух.

— А в чём дело-то?

Она поникла. Лёгкая камуфляжная куртка, специально выданная на два размера больше, обвисла мешком. Придумка военных психологов эффективно выбивала пленных из образа служилого человека, лишая достоинства и не позволяя чувствовать себя офицером. Довольно красивая женщина окончательно превратилась в пугало.

— Ты не знаешь? — Её взгляд снизу, исподлобья, добавлял драматичности и превращал в просительницу. — Нет. Правда не знаешь. — Магичка, казалось, уговаривала сама себя.

— Да скажи ты словами, хватит саспенс нагонять.

— Татьяна просит, чтобы я учила ваших детей. — Изобель выпалила скороговоркой, будто опасаясь, что сейчас всё перевернётся в обратную сторону.

Это была новость, но уже не первой свежести. Я вспомнил слова Тюрина, наложил на них спину Ершовой, её «пожалуйста». Значит, вот оно как…

— Зачем? Зачем вы это делаете? — Женщина передо

мной срывалась на крик. — Что вы хотите доказать? Вчера девчонка эта. Аня. Сегодня… Я не могу так. Я знаю, она меня ненавидит. И убила бы, если бы… если бы разрешили.

Она зашарила руками по карманам, но к нам подошёл её конвоир и, ни слова не говоря, протянул белоснежный — откуда только взялся? — носовой платок. Изобель разревелась и, стесняясь слёз, отвернулась от нас. Высморкавшись в платок, сунула его в карман. Затем посмотрела на бойца, но тот махнул рукой — пустое — и занял своё место поодаль.

— Кто вы, дери вас за ногу, такие? Вы не святоши — вы делаете, как думаете. Но почему, почему, мать вашу, я постоянно чувствую, что об меня вытерли ноги, а потом сполоснули?

— Потому что это ты чувствуешь, а не об тебя их вытерли. И подбери сопли, и ступай работать. Ты же этого хотела?

Она сделала шаг вперёд и ударила мне в грудь обоими кулачками, будто в дешёвом кино изображая отчаяние. Не хватало только сползти по мне, как в слезливой мелодраме.

Я посмотрел на бойца, напряжённо следившего за нами, и едва заметно кивнул ему. Затем мягко отодвинул Изобель от себя, взяв за плечо, и рявкнул:

— Первый лейтенант Улитина. — Звание и фамилию я помнил из допросов и личного дела.

— Я! — Она отпрыгнула на шаг и встала по стойке «смирно».

— Приступить к выполнению поставленной задачи.

— Сэр… — Изобель сбилась, затем поправилась. — Есть.

— И оденьтесь по-человечески. А то распустились. Вороны пугаются.

Я повернулся к сопровождающему.

— Проводите в хозяйственную часть. В случае недопонимания пусть сразу мне звонят.

— Так точно, товарищ майор.

— Свободны.

Изобель по-армейски развернулась и, чеканя шаг, пошла по дорожке. Мне казалось: скажи я слово — и она развернётся договаривать, выяснять, расспрашивать и, возможно, каяться, но сейчас она держалась.

Хотя бы сейчас.

Снабженцы мне не позвонили. Лишь пришло короткое сообщение от лейтенанта Обиходова.

«Всё ок».

Заняться было нечем, и я заглянул к аналитикам, чтобы посмотреть на Древо. Костя был дежурным и выделил свободное место с компьютером, показал папку с файлами записей и отдельно, как вывести на экран телеметрию.

Не то чтобы я надеялся увидеть нарушения Стандартной модели, но взгляд профана как элемент случайности…

Не помню, кто вчера решил, что трупы убирать не надо. Но попал он — стрелой в стрелу. Из корней Древа вверх за какие-то шесть часов пробились отростки, нащупавшие останки. Ещё через три — тела были оплетены и на экра-

не отчётливо просматривались шипы, пробившие плотные мешки, в которых притащили заключённых.

Свежие данные пока только обрабатывались и декодировались, но мне казалось, что Древо как некий Робин-Бобин примет в качестве подношения всё, что ему ни принесут, а плоть и кровь — так, всего лишь «приятный бонус» к высшей ценности. Жизни.

Об этом говорил Мерлин? Не дадите — возьмёт само? Компенсируют ли тела и кровь часть жертв? Можно ли скормить ему пустые трупы, уменьшив требуемое — мерзкое слово — количество живых людей? Залить кровью со скотобоен?

Заметив, что я задумался, ко мне подошёл Костя.

— Хреново там было?

— Мерзко. Ощущение жуткого голода и облегчение, когда человек умирает.

Он положил ладонь мне на плечо.

— А помнишь, Михалыч отдал часть… а теперь мы — как те големансеры. — Его рука на плече непроизвольно сжалась.

Пролечили Костю знатно. На какой-то миг мне стало больно. Он ойкнул, по-мальчишески спрятал руки за спину.

— Прости… те.

— Брось. Иногда нужно вот такое напоминание, чтобы видеть, во что мы можем превратиться.

— Можем, товарищ майор? — Он затаил дыхание.

— Пока ещё только можем. Надеюсь.

Его отпустило. Как будто цвет вернулся в глаза.

— Что-то от нас нужно? Дополнительно?

— Дай ручку, я пока мысли набросаю. Потом попробуем их покрутить. Возможно, на каком-то шаге и проверим, что сработает. Не знаю. Хреновая затея, но если хоть на чуть-чуть… и то ладно.

— Меньшее зло кроите? — К нам подошёл Александр, ставший начальником аналитического центра.

Прежний руководитель пошёл выше и теперь курировал и нас, и смежников, не забывая, впрочем, наведываться лично.

Саша протянул руку, крепко пожал мою.

— Только ты не начинай тоже про большее-меньшее нотации читать. — Я скривился, как от хины.

Он хохотнул.

— Ты не Лютик, я не Геральт. — Его широкие плечи поднялись и опустились. — У нас есть слово «надо». И знаешь, мне ближе позиция рядового Рабиновича. Если я умру — кто Родину любить будет? Подумай, мне не жалко.

Я подумал. Немного слишком прагматично для меня.

Но только немного.

Вопросы ложились на бумагу ровными строчками. Места для ответов не оставалось. На всякий случай откопировав несколько экземпляров, оставил ребятам парочку и понёс отцам-командирам на подумать.

По дороге осознал, насколько устал, хотя толком ничего

и не сделал.

Перед самой дверью медблока меня остановил мужчина средних лет в цивильном. Я попытался понять, откуда мне знакомо его лицо, но в голову ничего не приходило.

— Алексей Николаевич?

— С кем имею честь?

— Старший следователь Департамента, курирующего ваше подразделение. — Он попытался изобразить улыбку, но получился почти оскал.

Впрочем, у Зверя выходило круче. Увидев, что я не слишком впечатлился, мужчина извлёк из внутреннего кармана красную книжицу и, раскрыв, протянул мне.

Посмотрев на ключевые точки, как когда-то учили, и сличив фотографию с оригиналом, я вернул удостоверение.

— Чем обязан?

— Алексей Николаевич, я понимаю ваше недоумение, но попросил бы немного отойти в сторонку, чтобы не стоять в проходе.

Мы сделали несколько шагов, и я почувствовал толчок в ногу. Зверь шёл чуть позади меня и топорщил шерсть. Спасибо, дружище. Я и сам душок чувствую.

— Понимаете, майор. У нас есть некоторые подозрения. — Он суетливо выставил вперёд ладони и покачал ими. — Только подозрения. Что ваша будущая невестка… Подождите, дайте я договорю. Так вот, что майор Звягинцева совершенно не заинтересована в том, чтобы ваш брат вышел из

комы.

Состояние изумления мне даже не пришлось изображать. «Варяг» понял его по-своему.

— Да-да. Мы тоже в недоумении. Но обратите внимание, что после её «дежурств» у постели больного сроки восстановления сдвигаются на день или два. Вашего племянника от дежурств отстранили…

— Как так? — В негодовании всплеснул руками я.

В уголке глаза у него мелькнула искорка.

— А вы поинтересуйтесь. Я мотивировочную часть не помню, но ваш профессор поддержал, с учётом того, что парню и учиться нужно, и обязательства в мастерской никто не снимал.

До меня дошло, где я видел этого службиста. Это он приглядывался к моему разговору с Маргаритой в столовой и затем делал вид, что шёл мимо, когда она повернулась. Я с недоверием посмотрел на мужчину.

— Вы сейчас говорите какие-то странные вещи. Я знаю майора Звягинцеву как профессионала, человека высоких моральных принципов…

Он перебил меня с выражением лёгкого превосходства. Как это часто делают взрослые, объясняющие подросткам прописные истины. И с тем же налётом непогрешимости.

— Алексей Николаевич, ну, право слово. Никто и не отнимает у неё ни способностей, ни профессионализма. Но вы же в курсе её нервного срыва? По глазам вижу — в курсе. И

помните про рапорт, который Антон Афанасьевич замылил, не дав ходу. — Он, ходил вокруг меня как лиса вокруг заячьей избушки. — И уж высокие моральные принципы госпожи майора… — Сочетание неприятно резануло, и он ухватился за мою реакцию. — Они вряд ли совпадают с тем, что мы с вами вынуждены делать.

Я машинально кивнул. Они у нас у всех не совпадали.

— Вы хотите сказать, что она способна?.. Николая…

— Ну, я не думаю, что зашло… настолько далеко. Но есть обоснованные подозрения, что Николай Николаевич выйдет из комы… как бы это сказать помягче… без своих способностей.

— Да вы что! А как же Горячев, он же должен понять?

— Я нисколько не умаляю его профессионализма, но определить у пациента в коме поражение эмоциональной сферы…

Я задёргался на месте, оглядываясь по сторонам, как будто искал поддержку. Он следил за мной и в какой-то момент положил руку на плечо.

— С-спасибо. Что-то вы меня прямо выбили из колеи. Но как вообще вы к этому пришли?

Он полез в карман и достал какой-то пузырёк от лекарств. Показал мне, осторожно держа за донышко и крышку.

— Что это?

— Специфический препарат. Очень специфический. Основной эффект — сильное, очень сильное притупление эмо-

ционального отклика.

Я закашлялся.

— Как бром в армии, что ли?

— Нет. Во-первых, согласно байкам, «бром» угнетал либидо, а во-вторых… — Тут он особенно сыграл голосом. — «Бром» — байки, а этот препарат — реальность.

Моя рука потянулась за пузырьком, но он его спрятал.

— Осторожно, отпечатки.

Я закивал.

— Это не всё?

— Нет. В большой дозе препарат угнетает нервную деятельность, вызывая сон и апатию.

— И насколько высокой?

— Пузырька хватило бы на шестерых.

Такой сочувственный голос, такое выразительное лицо. Захотелось врезать. Он заметил мои дрожащие руки.

— Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие. Я надеюсь, мы найдём решение этого вопроса.

— Как?

— Мне… нам нужно разместить передатчик на её одежде. Но сами понимаете, Алексей Николаевич, вздумай мы это сделать…

Извиняющееся выражение лица можно было принять за настоящее.

Я протянул подрагивающую руку ладонью вперёд, дважды успев оглянуться по сторонам. Это не осталось незамечен-

ным, и мужчина покровительственно объяснил, что бояться нечего, что идёт работа на благо государства и моего же родственника. И что, возможно, Маргарита Семёновна не виновата, но тогда тем более нужно установить ответственных.

Я похлопал глазами, понуро ссутулился и принял небольшой передатчик, чуть длиннее иголки и толщиной примерно в полтора-два стержня от шариковой ручки.

— Активируется поворотом головки. Вот так. Батареи хватит на пару дней. Прошу вас — не тяните.

— А как я вас найду?

— Не нужно, Алексей Николаевич. Мы сообщим.

Я положил жучок в правый карман и «забыл» вытащить руку обратно, когда он протянул мне свою на прощание.

Усмехнувшись, службист пошёл дальше и свернул в сторону тира, а я так и остался стоять как четвёртый тополь на Плющихе, подозревая, что кто-то на меня смотрит. Не может не смотреть.

В то же время меня не оставляло ощущение какой-то неряшливости. Вербовщик не мог не знать, кто я такой. Чем занимаюсь. Мою историю, наконец.

Или на это и расчёт? Что я начну игру, побегу к Тюрину, и это каким-то образом позволит им перехватить инициативу? Объявить оперативной игрой, привлечь на базу дополнительных людей.

И без того сейчас у нас разгуливают те, кого ни Сергей, ни Маргарита не проверяли. Да и с их проверками выходило так

себе, если вспомнить лже-Ивана. Мозг тут же оставил себе напоминалку: сохранить хотя бы пару браслетов для проверки людей на воздействие мозголомов и контроля пленных.

А если сам по себе жучок не для Звягинцевой, а для меня, и уже работает?

Слишком много вопросов.

Развернувшись, я снова медленно побрёл к входу в медблок.

Глава 3. Май 2018. Нижегородская область — Республика Калмыкия.

Глава 3. Май 2018. Нижегородская область
— Республика Калмыкия

.

День первый.

Я вошёл в кабинет, успев кивнуть Жене на её немой вопрос о кофе. Разложил, под ничего не говорящие посторонним соображения о Древе, свои записки и пару раз, чтобы меня заметили, приложил палец к губам. Сергей понял всё правильно, взял пару блокнотов и уселся рядом со мной.

Антон Афанасьевич принялся читать мой доклад вслух, нарочно читая медленно и то и дело переспрашивая. Это, конечно, мешало переписываться с полковником, но не слишком сильно.

«Меня вербовали. В кармане жучок».

«Великолепно. Легенда?»

«Маргарита мешает вывести Николая из комы. Давит его транквилизаторами, глушит дар».

«Ещё лучше. Что-то ещё?»

«Жучок якобы нужно повесить на неё, но, думаю, он уже включён».

«Резонно. Соображения?»

«Грязно. Как будто тупая проверка меня. Или проверка, что я буду делать. Или игра внутри игры».

«Возможно. Или цейтнот. Мы одного товарища умудрились слить. Под благовидным предлогом и без последствий — его ведут в Центре».

Карандаши порхали над бумагой. Иногда их скрип прерывался сухими щелчками сломанных грифелей. Тюрин всё так же изображал уставшего командира, которого задолбала инициатива подчинённого, но который вынужден разбираться в его предложениях и задавать вопросы.

«Что делаем?»

«Жучок повесишь на Марго. Демонстративно. В воротник. А мы объявим, что переведём Николая в госпиталь, в неврологию».

«Не слишком ли наглядно?»

«Не до тонкостей. Майор, эти товарищи и за Изобель пытались взяться. Думаешь, почему с ней УСБ даже в туалет ходят?»

«Я думал, это кто-то из наших».

«Выйди с ними на спарринг. Оценишь разницу».

«Я жить хочу!»

«То-то. К делу. Транки — наша легенда. Специально ведём, санкция сверху. Ребята, похоже, из тех, кто раньше сидели посредниками на доступе к ресурсам. Мы им Михалыча “в аренду” сдавали, когда нужно было решения проталкивать и разное… ты понял. Сейчас мы на прямой линии,

а им неймётся. Нужно оперативно убрать “жадин”, но оставить адекватных. Конкретику потом будем ковырять».

Я вспомнил, с какой подростковой наивностью Настя рассказывала о том, как Михалыч ездил «наводить красоту» жёнам и любовницам «нужных людей», и на миг от полковничьей напоминалки стало мерзко.

Сделал глоток кофе и чуть не обжёгся.

«А мне что делать?»

«Тебя отправим подальше. Будешь Древо охранять. Антон Афанасьевич через час-другой приказ зачитает».

«Ну, спасибо, удружили».

«Обращайся, майор».

Тюрин закончил свою последнюю сентенцию, я почти машинально ответил. Затем напомнил командирам о том, что стоит пару негаторов оставить нетронутыми на предмет проверки мозголомов, и Сергей тут же нажал клавишу селектора, чтобы отдать приказ.

— Теперь всё?

— Так точно, товарищ генерал.

— Отлично. Ступай пока.

Перед ужином у столовой меня догнала Звягинцева. Мы постояли на улице, немного поговорили о мелочах. Она подмигнула и завела пожалейку: как она устала, как ей теперь жалко, что согласилась отозвать рапорты и как она готова на всё, лишь бы их с Николаем отпустили со службы.

Я пытался давить на сознательность, объяснял, насколько

мне и другим важна её поддержка, насколько нужен брат с его способностями — в этом месте она прямо-таки вздрогнула — и что, если они уйдут, то как бы не потянулись следом и Толик с Настей. А за ней и Артём. Приобнял её и, похлопывая по спине, кое-как дотянулся до воротника. Если бы Маргарита не подалась ко мне ещё сильнее, чертыхаясь на булыжник под ногами, я бы с этим жучком полчаса провозился.

Она ещё посопротивлялась для виду, поныла, что на койке не я лежу. Затем спохватилась и, пряча глаза, ушла в обратную сторону, оглядываясь каждые несколько секунд и ускоряя после этого шаг.

— Ты что творишь?! — Вышедшая из столовой Мари-Хелен, как оказалось, наблюдала за нами.

— Я всё объясню! — Мне стоило труда подхватить её под руку, чтоб отвести в сторону от оживлённой дорожки.

За нами уже начали наблюдать знакомые и нет лица. Среди них светил лицом и «старший следователь».

— Ну?!

— Так надо. — Мой ответ, похоже, её не впечатлил.

Мари-Хелен попыталась вырвать руку, но не рассчитала усилий, а я разжал пальцы, чтобы не повредить ей руку. Отскочив от меня на полшага, она чуть не рухнула на землю, но её услужливо подхватил тот самый крот.

Увлекая её обратно ко мне, он щелкнул красной книжицей и на хорошем английском объяснил, что ведётся след-

ствие и сохранять его тайну — в общих интересах. А мои действия санкционированы свыше.

— Но как же… она же ни в чём не виновата?

— Мы это учитываем, и нам необходимо собрать всю информацию, в том числе чтобы понять, по чьей наводке возникли подозрения в отношении майора Звягинцевой.

— Я отказываюсь понимать такой сбор информации. Вызовите её, допросите напрямую. Что это вообще такое? — Мари-Хелен в гневе казалась строгой учительницей.

— Милая, я тебе дома объясню. — Мне нарочно пришлось выбрать идиотски сюсюкающий тон, чтобы она продолжила возмущаться, но почему-то её запал погас.

Чтобы разгореться с новой силой.

— Хорошо. Пойдём в столовую. — Она повысила голос.

— Только, пожалуйста, не на публику, — предостерёг нас следователь и исчез среди других людей.

Бесплатное представление закончилось, и сослуживцы, переговариваясь и поглядывая на нас, пошли по своим делам. По тому, как быстро исчез наш собеседник, я догадался, что в столовой за нами будут приглядывать. Да и одежду Мари-Хелен теперь стоит внимательно осмотреть.

Ел я молча. Любая моя попытка сказать хоть слово натыкалась на её жёсткий презрительный взгляд, заставляя меня вжимать голову в плечи.

Дома Мари-Хелен сбросила куртку в дальний угол, шмыгнула в ванную и, включив воду в раковине, махнула мне ру-

кой.

Я вошёл и прикрыл за собой дверь.

— У вас опять игры в шпионов?

— Можно и так сказать, а как ты догадалась?

— Когда этот… — она использовала слово из табуированного лексикона, — подхватил меня, я почувствовала укол. И потом рукой провела — там на куртку явно какая-то дрянь прицепили.

Я обнял её и прижал к себе.

— Я люблю тебя!

— Пусти, я сейчас упаду! — Крик шёпотом звучал подурацки.

Мари-Хелен с гордостью смотрела на меня.

— Как я сыграла?

— Лучше всех!

— Там ещё за спиной у тебя человек сидел, напряжённо всматривался в нас.

— Отлично. Скажу Сергею — по камерам посмотрят. Если совсем кратко: у нас крысы завелись. Копают через Маргариту к Николаю. Перехват контроля. — Последние слова я сказал неуверенно: слишком мало информации получил от Сергея.

— Ой, это ж у нас там врач тоже новый, из вашего центра. Он тоже? — Она задумалась. — Его, кстати, к твоему брату и не пускают. Это оно?

— Думаю, да. Но ты не пытайся сама в Мату Хари играть.

А лучше «приболей» на день-другой. Я согласую.

— М-м-м-м, выходной посреди недели? А ты?

Мне пришлось разрушить её планы, рассказав, что предстоит дорога дальняя. Мари-Хелен сначала расстроилась, а затем предложила поехать вместе со мной. Всё равно ведь придётся всем там побывать, так лучше раньше, чем позже.

Отсутствие инфраструктуры её не пугало. Кипя энтузиазмом, она заявила, что зато на правах первопроходцев сможем застолбить себе лучшие места.

— Которых нет.

— Будут. Или ты в себе сомневаешься?

Я не сомневался, и следующий час наши соглядатаи слушали совсем не то, что хотели.

На общий сбор по сигналу «Внимание всем» в двадцать два часа, выбегали впопыхах. Мари-Хелен хотела было схватить куртку с жучком, но я ткнул пальцем в более тёплый бушлат. Она заглянула мне в глаза и кивнула. Выйдя на улицу, поёжилась и прижалась ко мне, будто не зная, куда теперь идти.

Собрались в ангаре. Ярко светили прожектора. Ещё пахло озоном и гарью после тренировок кого-то из магов. Кто-то потягивался, кто-то откровенно зевал. Подошли отцы-командиры.

Тюрин произнёс короткую речь об опасности оставлять Древо без присмотра, упомянул об инженерных бригадах, выдвинутых для развёртывания небольших военных город-

ков по образцу базы, с привлечением опыта пограничных войск.

В толпе пошли шепотки: кому-то придётся ездить в командировки в калмыцкую степь. Тут же чей-то голос предложил делать ставки на того, кого первым забросят на дальний кордон.

Судя по частоте звучания моей фамилии, сослуживцы в меня верили.

Я чуть было не прослушал, что наши сенсоры будут сменяться каждую неделю. Ответственным за приданных магов назначили меня, а руководителем медицинской службы — Мари-Хелен. В помощь ей придали Таисию и пару медбратьев. С мелочёвкой должны будут справляться санинструкторы в подразделениях. Кто-то присвистнул: «Семейный подряд», и из края в край прокатилась волна смеха.

Для экстренных случаев нам пообещали выделить вертолётное звено, что вызвало одобрительный гул, зазвучавший под куполом ангара, как в церкви.

Военизированное крыло от нас возглавил Стешин, успевший получить майора. Я помнил о нём по событиям в Иваново. Толковый и опытный офицер, понимающий нашу специфику.

Магов обещали включить ротировать каждые две недели; про бойцов пока речи не шло.

Зато особое внимание Тюрин уделил двум «И»: интуиции и инициативе. Все предложения, собственные наблюдения и

всё, что будет казаться необычным, он потребовал незамедлительно передавать по инстанции. Или минуя её, если появится внутреннее убеждение. Неважного нет. Пока не доказано обратное.

Первая смена получит уведомления на коммуникаторы. Вылет в десять утра.

— Алексей, как в десять часов? Я же не передала дела. Не собрала ничего с собой.

— Я думаю, что с собой мы возьмём стандарт, дела примет Людмила, у вас вроде сейчас в палатах нет ничего срочного, что твоё внимание требует?

— Ну да. А всё остальное?

— Ты недооцениваешь военных. Медпункты, думаю, уже перебросили и только и ждут персонал, для комплектации на месте. И не сбрасывай армейских со счетов, к службистам они обратятся, только когда из ушей дым пойдёт.

— Это экзамен? Да?

Я вздохнул.

— Для всех нас.

День второй.

Ночь была бессонной. Сборы, беготня, получение оружия и боеприпасов. Выяснение, что старый револьвер, сгоревший в чёрной вспышке, всё ещё числится на мне. Рапорт, запись цифр номера под диктовку уставшего оружейника.

У Мари-Хелен своя драма — письмо родителям, разговоры с разбуженной тревогой Магдой. Я, как ни пытался отпет-

лять, тоже поучаствовал в процессе. Зато в четвёртом часу на моём коммуникаторе загорелся экран.

«Зайдите вдвоём».

Кофемашина была пуста. Жени рядом не было, а Юрий не знал, где лежит пакет с зерном, но клятвенно обещал узнать попозже. Пришлось заходить насухую.

В кабинете, помимо уставшего Сергея присутствовали Веденеев, Татьяна и Людмила. В уголке стояли Изобель с сопровождающим. Они-то зачем?

— Прямо все ветви власти, — пошутил я.

Полковник осуждающе покачал головой. Он протянул Мари-Хелен планшетку с закреплёнными листами гербовой бумаги.

— Прочти английский текст. Потом перелистни и вслух, как сумеешь, по-русски.

Она трясущимися руками взяла документы у Сергея. Пробежала. Сначала наскоро, потом вчитываясь в текст. Выражение её лица резко изменилось. В уголках глаз собралась влага.

— Я готова.

— Подумай. Это не…

— Я всё понимаю. — Голос звенел.

Она распрямилась и принялась зачитывать текст присяги, ставя невпопад ударения и сбиваясь на словах с шипящими. Никто из нас не решился её поправить, казалось, мы даже дышали через раз.

У Изобель глаза расширились, сделавшись похожими на бутылочные донца. Или это тень так упала?

Наконец Мари-Хелен опустила планшетку, дочитав последнее слово. Вытянулась по стойке «смирно».

— Приказом директора Федеральной службы безопасности вы зачислены на действительную службу с присвоением звания младшего лейтенанта медицинской службы. Прошу поставить подпись об ознакомлении.

Она застыла на несколько секунд, затем резко поднесла ладонь к виску. Веденеев сообразил раньше всех: снял кепи и быстро нахлобучил ей на голову.

— Служу России.

Полковник протянул ей два погона с одинокими маленькими звёздочками посередине.

Первой Мари-Хелен обняла Татьяна, успев даже поперёд меня. Зато мне по плечу с размаху хлопнул Михаил.

— Поздравляю вас обоих, Алексей. Вы заслужили.

В груди защемило. Я виновато улыбнулся ему и перевёл взгляд на любимую.

Следующей к нам с разрешения сопровождающего подошла Изобель. По-русски, чтобы не поняла новоиспечённая младлей, она обратилась к Сергею:

— Знаете, Сергей Степанович… раньше я считала своего шефа неким демоном Макиавелли. Но сейчас я вижу, что его я переоценивала. — Затем она повернулась к Мари-Хелен. — Искренние поздравления. И немного зависти. — И вышла

из кабинета, дождавшись, пока конвоир догонит её.

Я взял обе ладони любимой в свои.

— Поздравляю младшим лейтенантом.

Она сделала шаг, освобождая руки. Положила их мне на плечи.

— Навсегда.

С пяти до семи выкроили время подремать. Утренняя проверка всего, чего можно. Оставленный в углу комнаты жучок, который «найдут» уборщики, запустив отдельную тревогу на базе. Сергей отдельно обнял и расцеловал в обе щёки Мари-Хелен, когда ему рассказали об игре в столовой и около неё.

Потом, уже в спину нам, будто разговаривая сам с собой, пробормотал что-то о семье. Что «неплохо бы…»

В первой смене с нами летела Алия. Борис оставался, чтобы вводить Дениса в курс дела и работать с прибывшими физиками и математиками. Девушка, казалось, даже немного ревновала его к работе. Во всяком случае её тон, которым она рассказывала о происходящем, был весьма и весьма красноречив.

Основную группу должны будут дополнить ребята из Сибири, пять или шесть человек. В следующую смену хотели на местности побывать Лёня со Славой, и Татьяна шепнула мне, что с радостью бы отправила и Аню попрактиковаться «на пленэре», где она не нанесёт никому вреда. У девочки, при всей её силе, проблемы с самоконтролем.

На этих словах Ершова смутилась и бросила взгляд в сторону полигона.

Нас уже ждала машина, и Мари-Хелен поднялась в кузов «Урала». Для неё этот опыт был внове. Забираться в кузов даже через откинутый задний борт с непривычки очень тяжело, особенно если ты ни разу не видел, как это делается. Кто-то из ребят сжалился над младшим лейтенантом, выпрыгнул из машины, показал, где можно поставить ногу. Моя любимая оказалась способной ученицей и сразу же запрыгнула под более чем заслуженные аплодисменты. Сумку с вещами забросить вперёд себя она не догадалась.

— Береги её, Лёш. — Татьяна протянула руку и крепко пожала мою. — И… возвращайтесь.

— Боюсь, что скорее вы — к нам. — Наверное, не стоило, но какой-то чёрт дёргал за язык.

Она улыбнулась, как человек, который знает, что это — правда, но всё равно надеется на лучшее.

Я помог водителю поднять борт и, вспоминая, как это делал раньше, поставил ногу на незаметный для непосвящённых выступ, закинул вторую и перевалился внутрь.

— А залезть, пока борт не подняли? — Стешин, похоже, решил, что я форсил.

— И что, водиле потом самому корячиться?

Ответа он мне не дал. Я уселся на скамейку рядом с Мари-Хелен, ребята задёрнули и закрепили полог, и кто-то постучал по кабине: «Трогай!»

Пока доехали по гравийке до нормальной дороги, успело знатно потрясти, и мне на ухо громким шёпотом рассказали, что синяки буду лечить сам. Я пообещал это делать со всей нежностью и заботой, и намекнул, что с нашими дорогами я наверняка стану дипломированным специалистом в этой области и смогу открыть частную практику.

Знающие английский переводили соседям, а Мари-Хелен только показала им всем язык. Алия при этом сидела тихонько, не отсвечивая.

К сожалению, Таисию первым рейсом взять с собой не получилось. Мари-Хелен намекнула, что причина уважительная и что целительница прибудет с мужем через пару-тройку дней. Пока будем рассчитывать на традиционную медицину.

В самолёте удалось подремать, тем более что ребята отпустили нас ещё до завершения полной погрузки нашего барахла. Мы, расстелив один спальный мешок, затолкали второй внутрь и получили какое-то подобие матраса. Новоиспечённого младлея не разбудили ни взлёт, ни посадка, поэтому по прилёте мне пришлось тормошить Мари-Хелен.

С учётом удалённости объекта от цивилизованных мест, за нами прибыли вертолёты, а вот вещи, за исключением личных, отправляли грузовиками. Наши механики и оружейник заняли места в кабинах машин, а мы, проводив их, взлетели над степью.

Мари-Хелен весь полёт провела у иллюминатора, не отрываясь. Честно сказать, будь у меня место рядом с окном,

я бы тоже не отрывался. Сели, подняв тучи пыли. Пилоты, заглушая двигатели, выругались: за фильтры им механики головы открутят.

Не успели мы выпрыгнуть, как к нам быстрым шагом подошёл подполковник, придерживая фуражку. В разговоре выяснилось — комендант гарнизона. Он оказался рад поделиться ответственностью, поскольку закинули его сюда по армейской привычке с приказом «копать здесь, а мы пока узнаем, где надо».

Стешин, несмотря на разницу в званиях, быстро нашёл с ним общий язык, предложив помощь с организацией работ, и в благодарность тот разрешил нам самим выбрать часть вагончиков-времянок, которые были разбросаны по территории.

На вопрос, почему вразнобой, подполковник, назвавшийся Львом Петровичем, ответил, что местность, чай, не парковка перед супермаркетом, грейдеры задержались, поэтому коробки бегом-бегом лепили на любую ровную поверхность как получится. Само собой, удобства были общие и на улице, столовая оказалась на другом краю городка, а штаб представлял собой груду палаток, столпившихся вокруг трёх впритык поставленных коробок.

— А Дерево-то где? — по-простецки спросил Стешин.

Комендант не успел ответить — Алия закашлялась. На губах появилась кровь.

— Там…